

Короткевич В.І. (Могилів-Мінськ, Республіка Білорусь)

Специфика отражения иностранца в художественной системе драматургии Юрия Станкевича

У статті розглядаються особливості відображення іноземця як особливого маркера психології білорусів наприкінці ХХ сторіччя. Художня система драматургічних творів Юрія Станкевича розглядається в аспекті відношень «свій / чужий».

Ключові слова: образ, персонаж, художня система, драматургія, іноземець.

В статье рассматриваются особенности отражения иностранца как особого маркера психологии белорусов в конце XX века. Художественная система драматургических произведений Юрия Станкевича рассматривается в разрезе отношений «свой / чужой».

Ключевые слова: образ, персонаж, художественная система, драматургия, иностранец.

In article features of reflection of the foreigner as special marker of psychology of Belarusians at the end of the XX century are considered. The art system of dramaturgic works of Yury Stankievich is considered in a section of the relations "native / alien".

Key words: image, character, art system, dramatic art, foreigner.

Конфронтация различных культурных национальных систем является предметом исследования литературоведческих исследований уже не первое десятилетие*, что обусловлено актуальностью проблемы в общественном сознании. Тем не менее в белоруском литературоведении подобного рода работы не получили широкого распространения. Целью нашего исследования является выявление специфики отражения иностранца в художественной системе драматургии Юрия Станкевича сквозь призму отношений «свой / чужой». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить специфические черты иностранца в сравнении с соотечественником и выявить динамику признания «своего» и «чужого» в наиболее показательных пьесах Ю. Станкевича «Шерри-Бренди, ангел мой» (1993), «Армагеддон – 1895» (2000), «Гарпии» (2008).

Творчество этого автора занимает особое место в контексте современной белоруской литературы. Этого связано не только и не столько с формальной организацией художественных произведений (эксперименты со знаками препинания, использование жаргонной и табуированной лексики и др.), а с открытиями на содержательном и тематическом уровнях,

* Boden, D. Die Deutschen in der russischen und der sowjetischen Literatur. Traum und Alptraum. – München, Wien : Gunter Olzog Verlag, 1982. – 106 s; Hern, G. Deutschland – Russland. Tausend Jahre einer seltsamen Freundschaft. – Hamburg : Rasch u. Rohring, 1990. – 384 s; Miintjes, M. Beiträge zum Bild des Deutschen in der russischen Literatur von Katharina bis auf Alexander II. – Meisenheim am Glan : Verlag Anton Hain, 1971. – 136 s; Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Курс лекций. – Москва : Academia, 1998. – 430 с.; Вервес, Г.Д. В интернациональных литературных зв'язках : питання контексту. – Київ : Дніпро, 1983. – 383 с.; Арендаренко, І. По дорозі й назустріч (англійська та українська романтичні поезії: порівняльна типологія і поетика). – Київ : ПЦ «Фоліант», 2004. – 216 с. и др.

созданием нового типа персонажа. Произведения Ю. Станкевича достаточно часто разрушают многие социальные мифы о ментальной сущности беларусов и ставят неудобные вопросы о возможности защиты собственной земли, о праве Беларуси на существование в век глобализации и пути выживания в агрессивной среде.

Одним из стилеобразующих элементов названных выше произведений является отражение действительности через борьбу двух начал – «своего», «освоенного», «любимого» и «чужого», «неизвестного», «нелюбимого». Для этого Ю. Станкевич вводит в художественную систему своих произведений различных мифологических персонажей, например, Адам, Ева, Гога и Магога («Армагедон – 1895») из семитской мифологии, Финей, Быстроногая и Мрачная («Гарпии») – из античной. Эти персонажи внедряются в подчеркнуто беларускую действительность, при этом некоторые «вливаются» в нее, социализируются (Адам и Ева), а другие не прилагают никаких усилий, чтобы измениться и органично ужиться в чужом пространстве. Более того, стараются в агрессивной форме приспособить под себя среду своего теперешнего существования и заставить других уступить место под солнцем.

В контексте произведения Ю. Станкевича Гога и Магога* – пришельцы извне – воспринимаются рецептивным сознанием исключительно сквозь призму негативного отношения. В драме «Армагеддон – 1895» они представляют собой метафору негативных последствий ассимиляции собственной культуры к культуре, абсолютно чуждой беларусам. Эти бандиты в союзе с Даджамом** врываются к Адаму и Еве ниоткуда, захватывают их и принуждают упаковывать наркотики-«дозняки», Адам и Ева фактически становятся рабами пришельцев: на ногах оковы и еда «раз в день». В данном случае Адам и Ева позиционируются как обычные беларусы: Адам – инженер «в джинсах и клетчатой рубашке навыпуск»*** [3, 77], Ева – выпускница педучилища, которая вернулась из отдаленного кишлака Таджикистана, куда попала по распределению, к больной матери.

* Образы Гоги и Магоги несколько раз встречаются в каноническом тексте Библии. Гога является воинственным князем Роша, Мешеха и Фувала в земле Магога [Иез. 38:2], Магог – земля, которая подвергнется наказанию [Иез. 39:6], также Гога и Магога – метафора огромных народов («число их как песок морской»), которые должны всколыхнуть мир перед приходом Мессии, разрушив «стан святых и город возлюбленный» [Откр. 20:7-8].

** Имя Даджам созвучно мусульманскому Даджал – искуситель людей, который, согласно Хадисам Муххамеда, должен явиться перед концом света [2, с. 561].

*** Здесь и далее перевод с беларуского языка наш. – В.К.

Гога и Магога через одежду («одеты в коожухи, а через столетие – в малиновые пиджаки» [3, 66], «шелковые брюки и лакированные туфли» [3, 77]), через привычки (едят человечину), а также через внешний облик («У них неожиданно жуткие лица: с косматыми бровями и выскаленными зубами. Волосы черного цвета и растут от самых бровей» [3, 86]) показываются как нечто чужое, непонятное и страшное. Безусловно, чужое трудно полюбить (нельзя любить без разбора), но можно уважать или принимать частично или полностью. В данном случае чужое можно только отвергать как нечто, несущее смерть и забвение.

Ю. Станкевич достаточно часто в своих произведениях использует эффект абсурдизации действительности. Отметим достаточно интересную закономерность: чем более невероятной кажется ситуация в художественном произведении, тем она более жизненна. В «Армагеддоне – 1895» Ева даже не старается противостоять бандитам, захватившим ее [читай – белорускую или славянскую] свободу, она послушно подчиняется судьбе, теряя здоровый прагматизм: «Ничего не поделаешь. Так живет... Что – может, я сюда этих и подобных кнуров со всех далеких и близких целей приглашала? <...> А сейчас мне все равно. Гори оно все» [3, 82]. Достаточно слабо и неэффективно протестует и Адам: «Я не раб и работать на вас не буду. (Смахивает со стола коробочки.) Я человек!» [3, 86].

В данном случае мы сталкиваемся с необычным и уникальным для белоруской литературы явлением – выражением в художественном произведении идей, близких к ксенофобии. Отметим, что подобное достаточно часто становится смыслообразующим стержнем для произведений Ю. Станкевича. Например, в драме «Шерри-Бренди, ангел мой» действие происходит в хосписе, где мир четко разделен на две половины: больные люди славянской внешности – пациенты этой клиники – и чужаки, которые привели их сюда. Один из героев Роман зло утверждает: «Белая раса, к сожалению, деградирует. Мы сами виноваты, что так попустительствовали. Взгляни на этих без пяти минут жмуриков (показывает на кровати [со смертельно больными – В.К.]). Вот ты [Василию – В.К.], например... Ты что – дебил? Имбецил? Кто тебя принуждал на иголку садиться? Тот цыган-наркодилер, который тебе «машину» не так зарядил? <...>» [5, 77].

Вместе с тем, отметим, что философская идея произведений Ю. Станкевича, какой бы близкой она ни была к идее ксенофобии, все же расходится с ней по ряду принципиальных позиций. Драматург, негативно отражая «чужое», старается противопоставить его безмерному

национализму*. Это своеобразный редукционизм – объяснить сложные взаимоотношения национальных проблем биологическими инстинктами, когда на первый план выходят инстинкт самосохранения, инстинкт продолжения рода, социальный инстинкт.

Несмотря на возможность более или менее точного определения места действия** и времени***, произведения Ю. Станкевича приближаются к антиутопии и притче. Представляя иностранцев, драматург старается в несколько иносказательной форме предупредить реципиента о необходимости сохранения национального культурного наследия и собственного внутреннего «Я».

Наиболее притчевым произведением является драма «Гарпии»****, в которой *«автор просит не искать аналогов страны, в которой происходят события, а также среди персонажей»* [4, 279]. В произведении Ю. Станкевича гарпии две – Мрачная (*«раскрепощенная в поступках, циничная, склонна к измене»* [4, 280]) и Быстроногая (*«иногда неуравновешенная, она боится боли, пыток, плена»* [4, 280]). Гибель первой и спасение второй – это отражение невозможности мирного пути разрешения конфликта между «своим» и «чужим».

Гарпиям противопоставлены сепаратисты – Янус (*«бывший студент», «одержимый идеей независимости для своего края», «одет в <...> форму движения за независимость»* [4, 280]), Марка (*«сын состоятельного ремесленника», «одет в форму краевцев†»* [4, 280]), Северин

* Сам Ю. Станкевич в одном из своих интервью заявил, что *«Задача либо роль писателя – остановить нравственное падение человека, которое ускоряется во всем мире. Некоторым следовало бы вспомнить не только о национальной идее, но и об общечеловеческих назревших потребностях: евгенике, телегонии, и о том, что так и нераскрыта обещанная “Теория Всего”»* [6].

** В «Армагеддоне – 1895» это упоминания Комаровки – известного в Минске рынка, в «Шерри-Бренди, ангел мой» отсылки к соседству с Россией, обрисовка белорусских реалий конца XX и XXI вв. и др.

*** Рассказы о чуме XX в. – СПИДе, об экономическом кризисе и др.

**** В данном случае драматург дает возможность условного соотнесения различных представлений о путях развития будущего с мифологическими сущностями – отвратительными гарпиями, которые сторожат Тартар, – дочками Тавманта (либо Борея) и Электры (либо Озомены). По различным сведениям гарпий было от двух до пяти. Одна из них Келайно (Мрачная) имела прозвище Подарга (Быстроногая).

† «Краевость» – идея существования беларуских и литовских земель, получившая распространение в начале XX в. Ее содержание было сформулировано Романом Скирмунтом как превосходство интересов родного края над интересами отдельных наций.

(«крестьянский парень», «не чувствует опасности, потому что доверчивый к людям», «одет в форму краевцев» [4, 280]). Эти люди абсолютно разные по своему социальному статусу, но их объединяет идея сепаратизма, что и привело их в отряд Миролюба («<...> смелый, но глупый и как бы несет в себе глубоко припрятанную параноидальную значительность», «имеет склонность к брутальным поступкам, граничащим с садизмом» [4, 280]).

Антагонистом по отношению к отряду Миролюба выступает Финей («агент, внедренный для связи», «лицемерный, хитрый и алчный», «псевдослепой», «припрятанный трус», «носит нечто наподобие хитона или восточного халата», «иногда цепляет накладную бороду» [4, 280]). Данный тип таит в себе скрытую угрозу, которая разрушает отряд изнутри и ведет его к гибели.

Таким образом, изложенное выше дает все основания утверждать следующее.

Во-первых, внимание к проблеме взаимоотношений белорусского народа с другими народами, в том числе, и через отражение иностранцев, свидетельствует об остроте этой проблемы в обществе, что особенно актуализировалось на рубеже XX и XXI вв. Это время самоопределения и выбора собственного пути развития.

Во-вторых, рассмотрение заявленной проблемы – специфика отражения образа иностранца в драматургических произведениях Ю. Станкевича – в разрезе понятий «свой / чужой» дает возможность выявить множественность национальных комплексов и социальных масок, которые активно используются в современном белорусском обществе.

В-третьих, в драмах Ю. Станкевича реципиент сталкивается с пессимистическими прогнозами потери не только собственной культуры, но и базовых человеческих характеристик (чувство собственного достоинства, гордость и др.) в результате тесной интеграции белорусов с другими народами. В некоторой степени такие пьесы, как «Армагеддон – 1895», «Шерри-Бренди, ангел мой», «Гарпии», развенчивают социальный миф об исключительной конструктивности толерантности белорусского народа, предупреждают об опасности нежелания защищать собственные национальные интересы и богатейшую уникальную культуру.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Біблія: Книгі Святога Пісанья Старога і Новага Завету: кананічныя: у беларускім перакладзе. – World Wide Printing Duncanville, USA, 2002. – 1534 с.;
2. Сады праведных: из слов пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да

приветствует : наиболее популярный сборник хадисов / имам Абу Закарийа бин Шараф ан-Навави. – Москва : Умма: Эжаев А. К., 2007. – 765 с.; **3. Станкевич Ю.** Армагедон – 1895 : п’есы, кінасцэнарый / Ю. Станкевич. – Мінск: Маладосць; Дом прэсы, 2000. – 127 с.; **4. Станкевич Ю.** Мільярд удараў / Ю. Станкевич. – Мінск: Галіяфы, 2008. – 324 с.; **5. Станкевич Ю.** Шэры-Брэндзі, ангел мой / Ю. Станкевич. – Мінск: Маладосць; Дом прэсы, 1993. – №10. – С. 75-94.; **6. Юры Станкевич:** “Роля пісьменніка – спыніць маральнае падзенне чалавека” // <http://old.zviazda.by/ru/pril/article.php?id=115048>. – Дата доступа 15.09.2017.